

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
25 June 2019
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 845/2017* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Мустафой Ондером (представлен адвокатом Эль-Кбиром Лемсегемом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата представления жалобы:</i>	17 октября 2017 года
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 20 октября 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	10 мая 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	выдача заявителя Турции
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	риск применения пыток в случае выдачи по политическим мотивам (принцип невыдворения)
<i>Статьи Конвенции:</i>	3, 22

* Принято Комитетом на его шестьдесят шестой сессии (23 апреля – 17 мая 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Хунхун Чжан. В соответствии с правилом 109 правил процедуры Комитета Эссадия Бельмир в рассмотрении настоящего сообщения не участвовала.

1.1 Заявителем является Мустафа Ондер, гражданин Турции, 1985 года рождения. Он утверждает, что его выдача Турции будет представлять собой нарушение Марокко статьи 3 Конвенции. Марокко ратифицировало Конвенцию 21 июня 1993 года, а 19 октября 2006 года сделало заявление о признании компетенции Комитета в соответствии со статьей 22 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом Эль-Кбиром Лемсегемом.

1.2 18 декабря 2017 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что процедура выдачи заявителя Турции была приостановлена до вынесения Комитетом решения по его сообщению.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель, учитель по профессии, в 2013 году поселился со своей женой и двумя детьми в Марокко, где он преподает в частной школе. 26 апреля 2017 года заявитель и члены его семьи обратились с ходатайством о предоставлении убежища в отделение Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в Рабате. Они все еще ждут ответа на их ходатайство.

2.2 22 июня 2017 года посольство Турции в Марокко проинформировало государство-участник о том, что в отношении заявителя был выдан ордер на арест по обвинению в принадлежности к вооруженной террористической организации «Хизмет»¹, которая, как считается, несет ответственность за предпринятую 15 июля 2016 года попытку государственного переворота в Турции, и потребовало его выдачу. 28 июля 2017 года заявитель был арестован сотрудниками марокканской полиции. 29 июля 2017 года он предстал перед прокуратурой Тетуана, которая проинформировала его о причинах ареста и передала его дело в Кассационный суд (уполномоченный принимать решения по ходатайствам о выдаче), который вынес постановление о его заключении под стражу в тюрьме Сале.

2.3 13 сентября 2017 года заявитель в присутствии своего адвоката оспорил в Кассационном суде Марокко ходатайство о его выдачи стране происхождения. Он заявил, что полученный запрос о его выдаче носит политический характер, так как в материалах дела, заведенного на него турецкими судебными органами, отсутствуют надлежащие доказательства, в частности его принадлежности к движению «Хизмет», которое турецкое правительство считает террористической организацией. Он также отметил, что в Турции ему будет угрожать опасность, учитывая общее положение в области прав человека в этой стране, особенно после предпринятой 15 июля 2016 года попытки государственного переворота, за которой последовала волна массовых арестов, судебных процессов и осуждений. Кроме того, заявитель представил справку о том, что он подал ходатайство о предоставлении убежища в отделение Управления Верховного комиссара по делам беженцев в Рабате.

2.4 19 сентября 2017 года Кассационный суд поддержал запрос о выдаче заявителя Турции. Суд постановил, что: а) преступление, которое вменяют заявителю в вину, относится к нормам общего права и не квалифицируется как политическое; б) движение «Хизмет» следует рассматривать как террористическую организацию, поскольку в соответствии с действующим в Турции законодательством оно считается таковым; в) суд может вынести решение лишь относительно законности процедуры выдачи и наличия в Уголовном кодексе Марокко преступлений, аналогичных преступлениям, вменяемым в вину заявителю; и d) процедура международной защиты коренным образом отличается от процедуры выдачи.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что в случае его выдачи Турции он рискует подвергнуться пыткам со стороны турецких властей в нарушение его прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции.

¹ Также известна как «Движение Гюлена» и «Община Гюлена».

3.2 Заявитель подчеркивает, что после предпринятой 15 июля 2016 года попытки государственного переворота Турция ввела 20 июля 2016 года чрезвычайное положение на своей территории и что с тех пор судьи, журналисты, адвокаты и ученые подвергаются «произвольным репрессиям и актам подавления основных свобод»². Нынешняя политическая обстановка в Турции, сложившаяся после попытки государственного переворота, не позволяет гарантировать соблюдение процессуальных норм правового государства и осуществление выдачи в соответствии с международными нормами. Заявитель отмечает, что Парламентская ассамблея Совета Европы в резолюции от 25 апреля 2017 года выразила серьезную обеспокоенность по поводу положения в области прав человека в Турции и отметила, что «через восемь месяцев после попытки государственного переворота положение ухудшилось и принимаемые меры далеко выходят за рамки того, что является необходимым и соразмерным»³. Парламентская ассамблея также подчеркнула, что в государственных структурах проводятся широкомасштабные чистки⁴, что большое число людей подвергаются аресту и досудебному содержанию под стражей⁵, что многие служащие были сняты с должности и что принятые в отношении них меры, такие как аннулирование их паспортов, введение постоянного запрета на дальнейшую работу в органах государственного управления или их открепление от системы социального обеспечения, представляют собой «гражданскую казнь» соответствующих лиц⁶. Парламентская ассамблея пришла к выводу, что в Турции не обеспечивается соблюдение основных прав человека⁷. Заявитель далее ссылается на полученное 21 июля 2016 года Советом Европы уведомление, в котором Турция объявила о своем намерении отступить от Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) в соответствии с ее статьей 15, и делает вывод, что с учетом всех этих обстоятельств ему лично угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в свою страну.

3.3 Заявитель также отмечает, что Верховный суд Греции отказался выдать восемь турецких военнослужащих на основании того, что греческие судебные органы не могли со спокойной совестью принять решение об их выдаче Турции, учитывая, что, по мнению суда, в этой стране может быть восстановлена смертная казнь, отмечаются доказанные случаи унижающего достоинство и бесчеловечного обращения с политическими диссидентами и фактически не обеспечивается справедливое судебное разбирательство. Кроме того, заявитель указывает, что он представил Кассационному суду справку о том, что он подал ходатайство о предоставлении убежища в отделение Управления Верховного комиссара по делам беженцев в Рабате.

3.4 Заявитель утверждает, что турецкое правительство обвинило движение «Хизмет» в организации предпринятой 15 июля 2016 года попытки государственного переворота, назвав его вооруженной террористической организацией. Он отрицает свою принадлежность к этому движению и утверждает, что Турция не представила никаких прямых и неопровержимых доказательств в поддержку обвинений в его принадлежности к террористической организации.

3.5 В этой связи заявитель отмечает, что турецкие власти обвиняют его в том, что он: а) работал на коммерческие компании, созданные и управляемые движением «Хизмет»; б) принимал участие в различных совещаниях с членами этого движения, которые проводились в гостиницах; в) совершал поездки за пределами Турции вместе с членами этого движения; и d) использовал приложение VuLock для поддержания связи с членами этого движения. По словам заявителя, эта информация была получена в ходе допроса пяти его бывших учеников, четверо из которых стали сотрудниками полиции; при этом пятый допрошенный ученик через третье лицо сообщил, что эти

² Avocats européens démocrates et Magistrats européens pour la démocratie et les libertés, « Le glas de la démocratie ne cesse de sonner en Turquie », communiqué de presse conjoint, 25 mars 2017.

³ Conseil de l'Europe, Assemblée parlementaire, *Le fonctionnement des institutions démocratiques en Turquie* [résolution 2156 (2017)], par. 7.

⁴ Ibid., par. 14.

⁵ Ibid., par. 16.

⁶ Ibid., par. 17.

⁷ Ibid., par. 20.

признательные показания были получены в ходе «очень жестких» допросов. По мнению заявителя, информация, содержащаяся в материалах дела, не подкреплена никакими прямыми или косвенными доказательствами, она является расплывчатой и абстрактной и не имеет никакой юридической силы. Он утверждает, что он работал простым учителем в коммерческих компаниях, которые, по мнению турецких властей, были основаны и управлялись движением «Хизмет», но в подобных обстоятельствах он не мог знать о политических взглядах своих работодателей. Он добавляет, что его поездки за пределы Турции носили исключительно туристический характер, что подтверждается свидетельствами, приобщенными к материалам дела. Заявитель также отмечает, что использование им коммуникационного приложения VuLock не может рассматриваться как доказательство его принадлежности к движению «Хизмет», поскольку информация, которой он обменивался посредством этого приложения, не носит никакого преступного характера, а само приложение является законным и находится в открытом доступе⁸. Заявитель добавляет, что в соответствии с положениями статьи 721⁹ Уголовно-процессуального кодекса государства-участника Кассационный суд обладает исключительным правом отклонить запрос о выдаче, когда возникают сомнения в обоснованности этого запроса, в частности когда он основан лишь на расплывчатых и абстрактных «доказательствах». Он считает, что членство в организации, которая несет ответственность за попытку государственного переворота – деяние, совершенное исключительно по политическим мотивам, – может квалифицироваться только как политическое преступление.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальных нотах от 19 декабря 2017 года и 30 апреля 2018 года государство-участник представило свои замечания в отношении приемлемости и существа сообщения.

4.2 Согласно заявлению государства-участника, Кассационный суд признал, что принадлежность к террористической группе, о которой идет речь в запросе о выдаче, квалифицируется не как политическое, а как общеуголовное преступление. В этой связи государство-участник считает, что его внутреннее законодательство содержит надлежащие положения для обеспечения соблюдения Конвенции. Согласно статье 721 Уголовно-процессуального кодекса, запрос о выдаче является неприемлемым, если марокканские власти считают, что он касается политического преступления. Следовательно, обвиняемый не будет выдан, если, по мнению властей, он может подвергнуться преследованию по причине своей расы, религии, политических убеждений или личных обстоятельств. То же самое относится к лицу, которое может оказаться в опасности по любой из этих причин.

4.3 Государство-участник также отмечает, что заявитель не поднимал в Кассационном суде вопрос об опасности применения к нему пыток и что Турция предоставила гарантии соблюдения прав заявителя в соответствии с международными договорами, ратифицированными Турцией. Кроме того, в соответствии со статьей 34

⁸ 20 сентября 2016 года апелляционный суд Хатая (Турция) единогласно отказался от запрошенного Генеральной прокуратурой уголовного преследования в рамках дела № 225/2016 по обвинению в принадлежности к движению «Хизмет» в связи с отсутствием доказательств. В своем перечне доказательств Генеральная прокуратура указала использование приложения VuLock. Суд постановил, что использование этого приложения не может рассматриваться в качестве доказательства, поскольку не было доказано, что переданный посредством этого приложения контент носил преступный характер.

⁹ Статья 721 предусматривает, в частности, что выдача не производится, если преступление, в связи с которым поступил запрос, квалифицируется марокканским государством в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением. Это правило применяется, в частности, в том случае, если у марокканского государства имеются серьезные основания полагать, что запрос о выдаче, мотивированный совершением соответствующим лицом общеуголовного преступления, на самом деле был сделан с целью судебного преследования или наказания этого лица по причине его расы, религии, гражданства или политических убеждений, или что положение запрашиваемого лица может ухудшиться по любой из этих причин.

Европейской конвенции по правам человека Турция приняла процедуру подачи индивидуальных жалоб, что дает заявителю возможность подать жалобу в Европейский суд по правам человека в случае нарушения его прав.

4.4 Утверждения о том, что доказательства, представленные турецкими властями, являются неубедительными, не были в достаточной степени обоснованы заявителем. Кроме того, Кассационный суд не уполномочен выносить решение относительно виновности или невиновности заявителя. Решение по этому вопросу должны принять компетентные судебные органы государства, запрашивающего выдачу, при полном соблюдении правил справедливого судебного разбирательства.

4.5 Кассационный суд также рассмотрел утверждения заявителя о том, что движение «Хизмет» не может считаться террористической организацией. Он напомнил, что Турция является суверенным государством и что в соответствии с ее законодательством это движение квалифицируется как террористическая организация, которая обвиняется в организации предпринятой 15 июля 2016 года попытки государственного переворота. Государство-участник далее напоминает, что Кассационный суд не уполномочен рассматривать вопрос о законности соответствующего законодательства, поскольку его надзорные функции сводятся лишь к проверке законности процедуры выдачи. Соответственно, он должен удостовериться в том, что факты, о которых идет речь в запросе о выдаче, квалифицируются как преступления в соответствии с Уголовным кодексом Марокко.

4.6 По мнению Кассационного суда, утверждения о том, что запрос о выдаче продиктован политическими мотивами, являются необоснованными. В пункте 1 статьи 27 Конвенции между Королевством Марокко и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче предусмотрено, что выдача не может быть произведена, если преступление, в связи с которым она запрашивается, квалифицируется как политическое преступление или связано с политическими соображениями. В данном случае запрос о выдаче направлен на обеспечение привлечения к судебной ответственности заявителя за его принадлежность к вооруженной террористической группе, что не является политическим преступлением. Заявитель не представил Кассационному суду доказательства того, что запрос о выдаче обусловлен соображениями, связанными с расой, религией, гражданством или политическими убеждениями.

4.7 В связи с утверждениями заявителя о том, что он является просителем убежища, государство-участник напоминает, что, как отметил Кассационный суд, процедура выдачи коренным образом отличается от процедуры высылки иностранцев, незаконно проживающих на территории государства-участника. Государство, которое не признает принцип выдачи, в целом не отказывается от своего права высылать иностранцев. Высылка иностранного лица осуществляется по инициативе государства, в котором оно проживает, и не зависит от наличия у этого государства каких-либо договорных отношений с государством, в которое это лицо будет выслано.

4.8 В отношении утверждений заявителя о том, что доказательства, которые послужили основанием для выдачи ордера на арест, основаны на показаниях, полученных под принуждением, государство-участник отмечает, что Кассационному суду запрещено выносить решения о виновности или невиновности лица, в отношении которого запрашивается выдача, и что компетентные судебные органы Турции неукоснительно соблюдают правила справедливого судебного разбирательства и международные договоры. Следовательно, Кассационный суд признал это утверждение неприемлемым.

Комментарии заявителя относительно замечаний государства-участника

5.1 26 мая 2018 года заявитель ответил на замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения. Заявитель разъясняет предмет своей жалобы, подчеркивая, что она основана на заключении, вынесенном Кассационным судом, и последующих процессуальных действиях по его выдаче. Он считает, что в сложившихся обстоятельствах государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 3 Конвенции.

5.2 Заявитель вновь отмечает, что он упомянул в Кассационном суде опасность подвергнуться преследованию в случае его выдачи стране происхождения и что он сообщил о поданном им в Управление Верховного комиссара по делам беженцев ходатайстве о предоставлении убежища. Он считает, что в этом контексте суд не удостоверился надлежащим образом в том, что запрос о выдаче не носит политического характера. В частности, суд не учел того, что запрос Турции о выдаче был основан на фактах, которые не могут служить достоверными доказательствами, позволяющими предъявить ему обвинения в совершении тяжкого преступления, связанного с принадлежностью к вооруженной террористической группе. Отказ от проведения оценки достоверности доказательств противоречит духу статьи 3 Конвенции.

5.3 Заявитель утверждает, что в случае его выдачи Турции он рискует подвергнуться пыткам, и считает, что, даже если Кассационный суд не уполномочен оценивать доказательства, представленные в запросе о выдаче, ему, тем не менее, следует рассмотреть вопрос о наличии скрытого смысла в запросе о выдаче и вынести соответствующее решение. Кроме того, суд, состоящий из судей, правозащитников и юристов-практиков, обладает надлежащей компетенцией для оценки того, противоречит ли закон, квалифицирующий движение «Хизмет» как террористическую ассоциацию, праву на справедливое судебное разбирательство и защиту.

5.4 Кроме того, в соответствии с Декретом-законом № 667 о введении чрезвычайного положения в Турции максимальный срок содержания под стражей в полиции был увеличен с четырех до тридцати суток, в результате чего возросла опасность применения пыток и неправомерного обращения в ходе временного содержания под стражей. В Декрете-законое № 676 предусмотрено, что прокурор может на пять дней лишить подозреваемого права консультироваться со своим адвокатом. Следовательно, заявитель считает, что у него не может быть никакой надежды на справедливое судебное разбирательство в Турции. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека отмечает, что в соответствии с указом Высшего совета судей и прокуроров более 4 200 судей были сняты с занимаемой должности, около 570 адвокатов были арестованы и 34 коллегии адвокатов были закрыты в связи с их предполагаемой принадлежностью к движению «Хизмет». УВКПЧ также отметило тенденцию к преследованию адвокатов, представляющих интересы лиц, обвиняемых в принадлежности к этому движению¹⁰.

5.5 Заявитель обращает внимание на то, что принцип невыдворения, предусмотренный статьей 3 Конвенции, применяется как к высылке, так и к выдаче.

5.6 Заявитель опровергает утверждение государства-участника о том, что оценка положения в области прав человека в стране, запрашивающей выдачу, не входит в компетенцию Кассационного суда. В соответствии со статьей 3 Конвенции государство-участник должно определить наличие или отсутствие серьезных оснований полагать, что в случае выдачи соответствующего лица ему может угрожать применение пыток. Продление чрезвычайного положения в Турции привело к серьезным нарушениям прав человека, включая пытки, о чем Управление Верховного комиссара по правам человека сообщило в своем докладе от 20 марта 2018 года¹¹. В докладе за 2017 год¹² уже сообщалось о случаях применения пыток, произвольного задержания, а также произвольного лишения прав на труд, свободу передвижения, свободное выражение мнений и свободу ассоциации. Заявитель также отмечает, что власти Германии осудили неправомерное использование Турцией Интерпола после предпринятой в 2016 году попытки государственного переворота. Он считает, что Национальному центральному бюро Интерпола следовало более тщательно изучить

¹⁰ Office of the High Commissioner for Human Rights, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January – December 2017*, March 2018.

¹¹ Ibid.

¹² Haut-Commissariat aux droits de l'homme, *Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016*, février 2017.

вынесенное в отношении заявителя заключение и не предпринимать в связи с ним никаких последующих действий в соответствии со статьями 2 и 3 Устава Интерпола¹³.

5.7 Заявитель просит освободить его и предоставить ему международную защиту на территории государства-участника или в безопасной третьей стране.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, изложенную в том или ином сообщении, Комитет должен принять решение о том, является ли оно приемлемым согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если он не убедится, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что заявитель не упоминал в Кассационном суде опасность применения к нему пыток в случае его выдачи Турции. При этом он также отмечает, что заявитель предстал перед Кассационным судом, где он выступил против своей выдачи, отметив, в частности, что в случае его выдачи ему будет угрожать опасность, что он является объектом преследования по политическим мотивам и что по этим причинам он подал ходатайство о получении статуса беженца. По мнению Комитета, изложение заявителем этих аргументов в Кассационном суде является достаточным для того, чтобы сделать вывод, что он упомянул о соответствующих рисках, и отмечает, что государство-участник не сообщило, что заявитель имел в своем распоряжении какие-либо другие внутренние средства правовой защиты. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что автор исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

6.3 Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для признания приемлемости, он объявляет сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 в части, касающейся предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции, и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

7.2 В данном случае Комитету необходимо определить, будет ли выдача заявителя Турции являться нарушением обязательств государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать и не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Комитет напоминает, прежде всего, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений и что никакие исключительные обстоятельства не могут использоваться государством-участником для оправдания актов пыток¹⁴. Абсолютный характер также носит закрепленный в статье 3 Конвенции принцип невыдворения лиц в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там им может угрожать применение пыток¹⁵.

¹³ Интерпол, *Устав МОУП-Интерпол*, I/CONS/GA/1956 (2017).

¹⁴ Замечание общего порядка № 2 (2007) Комитета об имплементации статьи 2 государствами-участниками, пункт 5.

¹⁵ Замечание общего характера № 4 (2017) Комитета об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, пункт 9.

7.3 В связи с необходимостью определения того, существуют ли серьезные основания полагать, что предполагаемой жертве будет угрожать опасность применения пыток, Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции государства-участники должны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в стране возвращения постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. В данном случае Комитет должен определить, будет ли лично заявителю угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае его выдачи Турции. Из этого следует, что существование в стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточной причиной, чтобы можно было сделать заключение, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае его выдачи этой стране; в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу, должны быть приведены дополнительные доводы¹⁶. С другой стороны, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела¹⁷.

7.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, согласно которому обязательство о невыдворении существует во всех случаях, когда имеются «серьезные основания» полагать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в группе, которая может подвергнуться опасности применения пыток в государстве назначения. В таких случаях практика Комитета заключается в установлении существования «серьезных оснований» всякий раз, когда опасность пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной»¹⁸. Факторы опасности, угрожающей лично заявителю, могут включать, в частности, политическую принадлежность или политическую деятельность заявителя или членов его семьи, а также наличие ордера на арест без гарантии справедливого обращения и судебного разбирательства¹⁹. Комитет также напоминает, что он в значительной степени опирается на заключения по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника; тем не менее он не считает себя связанным такими заключениями и проводит свободную оценку представленной ему информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу²⁰.

7.5 В данном контексте Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае его выдачи он подвергнется серьезной опасности применения к нему пыток во время его содержания под стражей в Турции в связи с его предполагаемой принадлежностью к движению «Хизмет». В этой связи Комитет отмечает, что в отношении заявителя был выдан ордер на арест по причине его принадлежности к этому движению, при том что сам заявитель опровергает свою принадлежность к этому движению, и что, согласно докладам, приобщенным к материалам дела, лица, которым предъявляют аналогичные обвинения, в период содержания под стражей систематически подвергаются пыткам и неправомерному обращению. Комитет также отмечает, что, по мнению государства-участника, ни одно лицо не может быть выдано, если оно рискует подвергнуться преследованию по причине своей расы, религии, политических убеждений или личных обстоятельств или если ему может угрожать опасность по любой из этих причин. Наконец, Комитет отмечает, что в данном случае запрашивающее выдачу государство предоставило гарантии того, что права заявителя будут соблюдаться.

7.6 Комитет должен принять во внимание нынешнее положение в области прав человека в Турции, включая последствия чрезвычайного положения (которое было

¹⁶ *Аль-Хадж Али против Марокко* (CAT/C/58/D/682/2015), пункт 8.3; *Р.А.И. против Марокко* (CAT/C/52/D/525/2012), пункт 7.2; и *Л.М. против Канады* (CAT/C/63/D/488/2012), пункт 11.3.

¹⁷ *Калиниченко против Марокко* (CAT/C/47/D/428/2010), пункт 15.3.

¹⁸ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 11.

¹⁹ Там же, пункт 45.

²⁰ Там же, пункт 50.

отменено в июле 2018 года, но предусмотренные им ограничительные меры были продлены путем принятия ряда законодательных мер). Он отмечает, что неоднократное продление чрезвычайного положения в Турции привело к серьезным нарушениям прав человека сотен тысяч людей, в частности к произвольному лишению прав на труд и на свободу передвижения, а также к пыткам и неправомерному обращению, произвольным задержаниям и нарушению прав на свободу ассоциации и на свободное выражение мнений²¹. В этой связи Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях 2016 года по четвертому периодическому докладу Турции (CAT/C/TUR/CO/4), в пункте 9 которых он с обеспокоенностью отметил наличие значительного расхождения между большим количеством жалоб неправительственных организаций на применение пыток и данными, представленными государством-участником в своем четвертом периодическом докладе (см. CAT/C/TUR/4, пункты 273–276 и приложения 1 и 2), в связи с чем возникло предположение, что в отчетный период не по всем сообщениям о применении пыток были проведены расследования. В пункте 19 этих заключительных замечаний Комитет выразил обеспокоенность по поводу недавнего внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс, которые предоставили полиции более широкие полномочия для заключения под стражу лиц без соответствующего судебного надзора. В пункте 33 Комитет с сожалением констатировал отсутствие полной информации о случаях суицида и других случаях внезапной смерти, произошедших за отчетный период в местах лишения свободы.

7.7 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что чрезвычайное положение, введенное в Турции 20 июля 2016 года, увеличило для лиц, обвиняемых в принадлежности к террористической группе, опасность подвергнуться пыткам во время содержания под стражей. Комитет также отмечает, что упомянутые заключительные замечания были приняты еще до введения чрезвычайного положения. Вместе с тем он отмечает, что доклады о положении в области прав человека в Турции и предупреждения пыток, опубликованные после введения чрезвычайного положения, свидетельствуют о том, что проблемы, отмеченные Комитетом, по-прежнему сохраняются²².

7.8 В данном случае Комитет отмечает, что по словам заявителя, он подвергся преследованию в связи со своей политической деятельностью, поскольку его считают членом движения «Хизмет», которое обвиняется в совершении в июле 2016 года попытки государственного переворота. Комитет отмечает, что, согласно его докладу за 2018 год, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека получило доступ к достоверной информации о применении пыток и неправомерном обращении во время досудебного содержания под стражей в рамках мер реагирования турецких властей на попытку государственного переворота²³. В вышеупомянутом докладе УВКПЧ утверждает, что оно документально зафиксировало случаи применения различных форм пыток и неправомерного обращения в местах содержания под стражей, включая избияния, угрозы сексуального насилия, применение сексуального насилия и электрошоковых устройств, а также имитацию утопления. Эти акты пыток, как правило, были направлены на получение признательных показаний или принуждение к доносу на других лиц в рамках расследования фактов, связанных с попыткой государственного переворота²⁴. В своем докладе о миссии в Турцию Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания

²¹ Office of the High Commissioner for Human Rights, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January – December 2017*, March 2018.

²² Office of the High Commissioner for Human Rights, *Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016*, February 2017; *ibid.*, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January – December 2017*, March 2018; и A/HRC/37/50/Add.1.

²³ Office of the High Commissioner for Human Rights, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January – December 2017*, March 2018, para 7.

²⁴ *Ibid.*, par. 77.

отмечает, что после попытки государственного переворота применение пыток получило широкое распространение²⁵. По мнению Специального докладчика, факт того, что количество расследований и судебных преследований в связи с утверждениями о пытках или неправомерном обращении крайне мало по сравнению с предполагаемой частотностью совершения таких нарушений, свидетельствует о недостаточной решимости турецких властей поводить расследования по сообщениям о таких нарушениях²⁶.

7.9 Что касается непосредственных последствий чрезвычайного положения, введенного 20 июля 2016 года, Комитет отмечает обеспокоенность Управления Верховного комиссара по правам человека по поводу негативного влияния принятых в этой связи мер на защиту от пыток и неправомерного обращения. В частности, УВКПЧ упоминает ограничения, которые могут быть наложены на общение между задержанными и их адвокатами, продление максимального срока содержания под стражей в полиции, закрытие некоторых независимых механизмов по предупреждению пыток и неправомерное использование досудебного содержания под стражей²⁷. После неоднократного продления чрезвычайного положения турецкими властями оно официально завершилось 19 июля 2018 года. В письме от 8 августа 2018 года турецкие власти проинформировали Совет Европы о том, что чрезвычайное положение завершилось 19 июля 2018 года, когда истек срок, установленный решением № 1182, и что в этой связи правительство Турецкой Республики приняло решение отозвать уведомление об отступлении от положений Европейской конвенции по правам человека²⁸. Однако был принят ряд законодательных мер, продлевающих действие ограничительных мер, принятых во время чрезвычайного положения, таких как возможность продления срока содержания под стражей в полиции до 12 суток²⁹.

7.10 В отношении дела заявителя Комитет отмечает, что при принятии положительного решения о выдаче Кассационный суд Рабата не провел никакой оценки риска применения к заявителю пыток в результате такой выдачи с учетом сложившейся в Турции ситуации после попытки государственного переворота, предпринятой в июле 2016 года, в частности с учетом положения лиц, которые, как и заявитель, реально или предположительно принадлежат к движению «Хизмет». Комитет отмечает, что, согласно государству-участнику, Турция предоставила гарантии соблюдения прав заявителя в соответствии с ратифицированными ею международными договорами. Однако государство-участник не представило никаких разъяснений относительно того, как оно оценило риск применения к заявителю пыток, чтобы удостовериться в том, что по его возвращении в Турцию он не подвергнется обращению, противоречащему положениям статьи 3 Конвенции.

7.11 Комитет также считает, что в статье 721 Уголовно-процессуального кодекса Марокко не содержится конкретного упоминания об опасности применения пыток и неправомерного обращения в случае выдачи, а упоминается лишь опасность ухудшения личного положения лица, в отношении которого была запрошена выдача по какой-бы то ни было причине, связанной с его расой, религией, гражданством или политическими убеждениями, в случае если преступление, в связи с которым она запрашивается, квалифицируется государством-участником как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением³⁰. В данном случае с учетом оценки, проведенной Кассационным судом, который уполномочен выносить решения по вопросу о выдаче, Комитет не может сделать

²⁵ A/HRC/37/50/Add.1, par. 26.

²⁶ Ibid., par. 70 à 73.

²⁷ Office of the High Commissioner for Human Rights, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January – December 2017*, March 2018, para 83.

²⁸ Conseil de l'Europe, Réserves et Déclarations pour le traité no 005 – Convention de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales, 12 juin 2019. www.coe.int/fr/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/005/declarations.

²⁹ Human Rights Watch, «Turkey: Events of 2018». www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/turkey.

³⁰ См. сноску 9.

вывод о том, что этот суд рассмотрел аргументы о наличии в настоящее время для заявителя предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам в случае его выдачи Турции. С учетом обстоятельств заявителя, связанных с его предполагаемой или реальной принадлежностью к движению «Хизмет», Комитет приходит к выводу, что в данном случае заверения не являются достаточным основанием для отвержения аргументов о наличии для заявителя предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам в случае его выдачи Турции, которая, следовательно, будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

8. Таким образом, Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, делает вывод о том, что выдача заявителя Турции будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

9. Комитет считает, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государство-участник обязано:

а) обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем путем проведения индивидуальной оценки реальной опасности применения пыток и неправомерного обращения, в том числе с учетом общего положения в области прав человека в стране возвращения, при рассмотрении каждого запроса о выдаче в рамках соглашения о выдаче или процедуры выдачи;

б) воздерживаться от выдачи заявителя Турции и рассмотреть запрос о выдаче заявителя Турции с учетом своих обязательств по Конвенции, которые предусматривают проведение оценки риска применения пыток и неправомерного обращения в случае выдачи, а также с учетом настоящего решения, в частности принимая во внимание, что 23 мая 2017 года заявитель обратился в отделение Управления Верховного комиссара по делам беженцев в Рабате с ходатайством о предоставлении ему международной защиты. Учитывая, что заявитель в течение уже почти двух лет содержится под стражей, государство-участник обязано освободить его³¹.

10. Согласно пункту 5 правил 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику проинформировать его в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых в ответ на настоящее решение.

³¹ *Аль-Хадж Али против Марокко*, пункт 9.